

Мордюкова Н.

1986. II

21 ФЕР 1986

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

Нонна Мордюкова

Зачем снимается кино?

ВСЛУХ О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

Казалось бы, вопрос, на удивление, простой и ясный, настолько ясный, что и задавать его стало как-то не принято. И впрямь: на всех кинематографических форумах, больших и малых совещаниях, заседаниях только об этом и ведут речь и те, кто руководит кинопроцессом, и те, кто его творит, и те, кто потрясает нас внушительными цифрами проката фильмов. Откуда же тогда берутся в нашем кино не «отдельные недостатки», как нас уверяют с трибун руководители кинематографии, а целые потоки посредственных фильмов, о чем все чаще напоминают неискушенные зрители?

Разговор наш с народной артисткой СССР, лауреатом Государственной премии СССР Нонной Викторовной Мордюковой начался с прозаического «Зачем снимается кино?» не случайно. С самых ранних шагов в актерской профессии это «зачем» сопровождает ее всю жизнь и властно требует ответа...

— Как только я и мои сверстники переступили порог киноинститута, пришли на первое занятие к Бибикову и Пыжовой, — рассказывает актриса, — нам сразу же выдали по листку бумаги, карандашу и попросили: напишите, почему вы выбрали своей профессией именно кино? И я откровенно написала — почему. А выбрала я его, когда училась, наверное, еще в пятом классе. Была в нашем селе хата под камышовой крышей — клуб, и в нем — аппарат, ручку которого мальчишки крутили попеременно. Но прежде чем загореться экрану, сельский дед проделывал обязательный ритуал: с какой-то особой значительностью он наливал керосин, чтобы работал движок. Несмотря на такие неприятные просмотры, я рано поняла, зачем кто-то кино снимает и почему люди в трепетном нетерпении собираются под камышовой крышей. До глубины души меня тронул в ту пору один фильм, и врезалось в память: старушка ходит по базару, ищет кофточку внучки, расстрелянной фашистами, — одежку на память. И особенно потрясло меня, что о таком страшном бабушка говорила тихо... Вот какая у меня была стартовая площадка.

Многое во мне оттуда, из детства. Первый крик, если похоронка, такой сильный, что все невольно подтягивались к это-

му дому. Потом крики ушли внутрь, затихли, потому что женщины остались без мужчин. И хотя боль утрат никуда не уходила и не затихала, они работали за двоих, и если ребенку нечего было надеть, не выдавая себя слезами, извлекали из сундуков ботинки отца или деда. Я часто думала тогда: как же онипеть-то могли! Ведь всю войну люди и песни петь умели, и дружили...

Да, на мою долю выпало — вдовы, вдовы, разруха и необычайная сила единения. С тех пор и сидит во мне какой-то неизлечимый вирус жизненности, драматичности — искренняя, не вычитанная жалость к женщинам, которые остались одинокими. В институте я неутомимо рассказывала истории о наших людях, изображала их в лицах. Кое-кто из однокурсников считал: мол, хвастаюсь я, фантазирую. А я позднее поняла, что век можно хвастаться этими людьми — как бесценным ожерельем. Помню, снималась я в роли трактористки, так с родины моей уже летело мамино письмо с наставлением: подойдешь к трактору — губы не кусай и с инструментом обходишься как ни в чем ни бывало... Люди, доченька, обижаятся, если на экране неточности замечают. Они ведь уверены — там настоящая жизнь.

Я тоже всегда в этом была уверена. Когда училась на втором курсе, Сергей Аполлинариевич Герасимов начал снимать «Молодую гвардию». И получилось: только что все прочувствовав в жизни, добавив впечатлений от четырехмесячной поездки в Краснодар, мы должны были перенести это на экран. Нет, у нас даже стремления не было «попасть» в образ — мы вспоминали, рассказывали о себе. Как, например, не позволили врагу скот угнать... И не было у нас трудностей перехода от некиноартиста к киноартисту, наш путь от жизни к кинокамере был коротким и органичным, потому что была глубокая, естественная связь наших собственных впечатлений с переносом их на экран. По-другому я себе и не представляла профессию. Слово

«кинозвезда» нас корбило — важны те люди, о которых мы рассказывали в фильме, им мы служили.

Это сейчас почему-то все изменилось. Чем больше на моем счету картин, чем больше получаю наград, тем чаще приходится объясняться с моими коллегами, даже оправдываться: то, по их мнению, я не так одеваюсь, то веду себя не так... А тогда, в юности, не покидало чувство, будто я вовсе и не на актрису приехала учиться, а богатством своим поделиться — вот, смотрите, с какими замечательными людьми выросла я в кубанской станице Отрадная, вот какие у нас деды и бабушки, песни какие! Это чувство развивалось и все больше крепло во мне, когда я увидела, что простым зрителям это интересно.

Может быть, до сих пор я и не подозреваю, какого огромного размера богатство — мои жизненные впечатления, моя память. Работая над каждым фильмом, я по-прежнему черпаю из заветного сундука. Конечно, профессия берет свое — иной раз приходится носить на экране и дорогой халат, и кринолин. Что ж, я умею пользоваться «колодками», но все же постоянно ощущаю в себе добавочную струну к актерскому инструменту, которая помогает мне сыграть трудящегося человека. Мне не очень ясен мир, где все есть. А когда я иду от жизни, от человека, каким его знаю, становится теплее. Наверное, счастье стечение обстоятельств в том, что я была принята простыми людьми. Когда я стала их изображать, словно вновь к ним вернулась. Много я переиграла женщин военного и послевоенного времени, глубоко несчастных, но гордых. Мне так знакомо, до боли, как искусно умеют они прятать свое несчастье за веселость, бравладу...

Пережив немало трудных судеб на экране, выстрадав их, зная, что эти судьбы трогали людей, безразличны им были, я с особой тревогой наблюдаю за сегодняшним нашим кино. Зритель стал смотреть фильм свысока, со жвачкой во рту — думает о своем, а он, актер, нехай себе попочет. Так

много этих фильмов, и так хорошо сидишь, когда на улице холодно! И воспринимает зритель кино как-то поверхностно, потому что его много и оно одинаковое. Как-то на творческом совещании один руководитель, не скрывая раздражения, обратился в зал: «Товарищи, вы хоть сценарии друг друга читайте, сюжеты — как близнецы!». Может быть, еще и поэтому зритель стал как бы похлопывать кино по плечу и насмехаться над создателями картин.

Поневоле задумаешься: до какой же степени разлилась река «никаких» фильмов, кто их снимает? Словно где-то прорвало плотину, и не успели оглянуться, как затопило. Да, кино — искусство массовое. Но из этого определения как-то очень быстро исчезло главное слово «искусство». Осталась лишь массовость во всем — множество режиссеров, актеров, множество серых картин, а искусство — в единицах. Стало быть, мы сами позволили зрителю хлопнуть себя по плечу, снисходить до посещения кинозала. Мое глубокое убеждение: настоящий фильм легко не смотрят. И я не перестаю верить только в такое кино, которое появляется, когда у его создателей наболело, когда они делятся с людьми сокровенным. Бесстрастное кино рождает и бесстрастного зрителя. А чем занимаются мои коллеги в последнее время? Журят и журят друг друга. И продолжают «выдавать на-гора» продукцию, которая ни одной души не всколыхнет. Потому что так легче, проще, спокойнее и им самим, и начальникам, сидящим в высоких креслах, не желающих этих кресел лишиться и оттого озабоченных одним: лишь бы в очередной ленте все было поглаже. Вот откуда заполовшиеся экраны накатанные сюжеты, где все проблемы как летающая муха под потолком.

В том же самом истоке берет начало и такая порочная тактика: не очень «удобные», неприглаженные фильмы, если их все-таки удастся снять, идут к зрителю измученным создателей путем, через множество препятствий, а то и вовсе не до-

ходят до экрана. Страшно вспоминать, сколько нервов мы убили за полтора года, пока не выпускали фильм «Родня!» А после съемок «Трясины» я прямоком угодила в кардиологическое отделение, Чухрай все время ходил с валидолом под языком. По накалу драматического, трагедийного материала не было у меня тяжелее этого фильма. Да, мы рвали страсти в клочья, но мы знали, о чем хотели сказать зрителю — о роковой ошибке матери, решившей спасти сына. И вот при выпуске картины руководство Госкино решило: это неактуально. Да разве принять такое «решение» нельзя было раньше, когда мы еще не потратили столько сил?.. Фильм все-таки вышел, но каким тяжелым был его путь на экран...

Пошел уже пятый год, как я не снимаюсь. Почему? Сценарии предлагают, и немало. Вот, скажем, один из них — об алкоголиках. Я бы с радостью согласилась играть, если бы была в этом сценарии правда, настоящая трагедия — когда жизнь смеркается... Но нет там ничего этого, зато есть южный город и пальмы. Столько я насмотрелась в жизни на разрушенные судьбы, что мне не до умиления. Как видно, нельзя «обострять», и такой фильм скорее всего получится с закругленными углами, приуроченным к кампании. А где же жизнь? Я хотела бы сыграть такую женщину, которая говорит обо всем, и о страшном в том числе, откровенно. Ведь если мы не будем честно вскрывать недостатки — и на производстве, и в семье, а к этому сегодня нас и призывает наша партия, они никогда не исчезнут. Только жизнь, талантливо отраженная на экране, — правдивая, полнокровная, и живые, а не причесанные и отутюженные, человеческие характеры заставляют биться зрительские сердца. И до тех пор, пока наш кинематограф будет бояться правды, осторожничать, топтаться вокруг проблем, придуманных по схеме «кое-где у нас порой», он не станет интересен людям.

Записала Т. ИСАКОВА.